

Чжоу Юй вдруг произнёс: «Когда мне было четырнадцать, меня изнасиловал отчим. Это был мой первый раз».

Ло Минь остолбенел, перестал вырываться и поднял на него глаза.

Но Чжоу Юй отпустил его руку, достал из кармана сигарету, закурил, спокойно затянулся и лишь затем продолжил: «Он обращался с матерью не то чтобы хорошо, но сносно. Мать была слаба здоровьем, постоянно лежала в больнице, и только на его деньги можно было оплачивать лечение. У меня не было выбора, пришлось подчиняться. Через два года мать умерла, и я отказался снова ложиться с ним, но в нём разыграло звериное начало, он связал меня и стал издеваться. Через несколько дней я притворился, что согласен, и он отпустил. Когда он заснул, я сходил на кухню, взял кухонный нож и зарубил его».

Ло Минь смотрел на него, будто тот рассказывал чужую историю, — лицо Чжоу Юя было бесстрастным, но в груди у Ло Миня ныло.

«В полицию позвонил я сам, — Чжоу Юй усмехнулся. — Я ещё кое-что соображал. Я был несовершеннолетним, он меня изнасиловал, на мне были свежие следы побоев — все улики говорили в мою пользу. После убийства я сразу же сдался, поэтому дело квалифицировали как самооборону и отпустили. В камере я познакомился с ребятами из „Хуэйчжуна“, после освобождения стал с ними работать. Мне было всего семнадцать, но я рослый, в драке не щадил ни себя, ни других, да и голова работала, так что меня ценили. Позже, на праздник Весны, я повстречал дядю Юаня. Он спросил, не хочу ли пойти к нему. Я не раздумывая согласился. Все эти годы он меня опекал, давал возможность проявить себя и в итоге поставил на нынешнее место. Когда я познакомился с тобой, он уже отпустил меня. Сказал, я вырос и должен начать свою жизнь, так что дал свободу. Я до конца дней буду ему благодарен».

Ло Миню стало ещё больнее, но он растерялся, не зная, как утешить этого всегда сильного и яркого мужчину.

Чжоу Юй сделал несколько глубоких затяжек, раздавил окурочек в блюдце и бесстрастно произнёс: «Дядя Юань всегда держался принципов, никогда никого не насиловал. Даже если кого-то приметил, ждал, пока тот сам согласится. Этот тест — моя идея. Он пошёл на это ради меня, да ещё потому, что ты ему приглянулся, и решил сделать исключение, взяться лично. Ненавидь меня, если хочешь, но не его. Это тебе же хуже».

Ло Минь окончательно запутался, кого винить. Он опустил голову, долго раздумывал и наконец тяжело вздохнул: «Я не ненавижу дядю Юаня и не ненавижу тебя. Я просто... просто чувствую, что виноват перед А-Янем».

Чжоу Юй поднялся, мягко обнял его и тихо проговорил: «Всё пройдёт. Видишь, я же в порядке? И А-Янь поправится».

Ло Минь приткнулся к его груди и слегка кивнул.

Чжоу Юю стало не по себе от тягостной атмосферы, и он с улыбкой заметил: «Судя по твоей вчерашней реакции, твой первый раз, должно быть, был сладким. Эх, везунчик».

Ло Минь невольно тронул уголки губ: «Да, мне повезло».

«Нет, я о нём, о том, кому достался твой первый раз. Ему, чёрт возьми, повезло», — и выражение лица Чжоу Юя вновь стало грубоватым, привычным.

Ло Минь наконец рассмеялся по-настоящему.

Чжоу Юй счёл его смех странным, наклонился и спросил: «Чему обрадовался? Всё ещё о нём думаешь? Чем он хорош?»

Ло Минь поднял на него глаза: «Этот чёртов везунчик — ты».

Чжоу Юй остолбенел: «Что? Ты... ты... ты же тогда сказал, что давно уже не...»

Ло Минь фыркнул: «А кто заявлял, что не связывается с неопытными?»

Чжоу Юй на мгновение задумался, будто вспоминая ту сцену, а затем рассмеялся. Он присел на корточки, глядя в глаза Ло Миню, и усмехнулся: «Хорошо, что я тогда был с тобой нежен и почти не сделал больно».

Ло Минь слегка покраснел и выбранил: «Бабий угодник, прожжённый соблазнитель, бесстыжий».

Чжоу Юй рассмеялся во весь голос, подхватил его на руки и понёс в спальню.

Ло Минь тут же заявил: «Ты вчера ещё не наигрался? Сегодня нельзя».

Чжоу Юй поцеловал его и усмехнулся: «Не бойся, сегодня тебя трогать не буду, но тебе и вправду нужно отдохнуть. Я тоже еле на ногах стою, двое суток почти не смыкал глаз. Давай поспим вместе».

У Ло Миня тоже раскалывалась голова, он выбился из сил, поэтому просто буркнул: «Угу».

Они быстро разделись, легли в кровать, обнялись и заснули — казалось, уже очень давно им не доводилось спать так спокойно.

Лин Цзыхань тоже проспал целый день и проснулся от голода. Ло Минь принёс ему еды, но ему приходилось притворяться, будто сильнейшее потрясение отбило всякий аппетит. Видеть перед собой вкусную пищу и не есть — настоящее мучение.

Чжоу Юй, глядя на его вялый, отказывающийся от еды вид, сел на край кровати и принялся уговаривать.

Лин Цзыхань не смотрел на него, его слова пропускал мимо ушей, лишь лежал на боку и безучастно смотрел в окно.

Ло Минь и Чжоу Юй по очереди уговаривали его, а затем заставили сесть и влили в него чашку куриного супа с женьшенем и вороньим глазом, после чего облегчённо вздохнули.

Так прошло два дня, как вдруг раздался звонок в дверь.

Чжоу Юй взглянул в глазок и удивился, поспешно распахнув дверь.

На пороге стоял Ли Юань в сопровождении четырёх телохранителей.

«Дядя Юань, вы сами-то зачем? — усмехнулся Чжоу Юй. — Проходите».

Ли Юань бросил на него сердитый взгляд: «Угнал мою машину и даже не подумал вернуть, вот мне и пришлось прийти самому».

Чжоу Юй захихикал: «Тогда было не до того, спешил. Да и вы, дядя Юань, давненько не навещали Наньган, вот и подвернулся повод для инкогнито».

С этими словами Ли Юань уже вошёл в гостиную. Окинул взглядом и спросил: «А где А-Минь?»

Чжоу Юй махнул в сторону гостевой: «Кормит А-Яня супом».

«Ну и как А-Янь?» — мягко осведомился Ли Юань, неспешно направляясь в комнату.

Лин Цзыхань уже допил суп и передал чашу Ло Миню. Увидев входящего Ли Юаня, он застыл, глаза полные ужаса, потянулся к Ло Миню и робко позвал: «Братец...»

Ло Минь тут же наклонился, обнял его, успокаивая: «Не бойся, дядя Юань просто проведать пришёл. Я же объяснял, дядя Юань так поступил, чтобы спасти тебя. Не принимай близко к сердцу».

Ли Юань слушал с явным удовольствием и одобрительно кивнул.

Лин Цзыхань, казалось, совсем запутался — никак не мог понять, почему «изнасиловать — значит спасти», — и лишь съёжился, глядя на Ли Юаня, всем телом прижимаясь к Ло Миню.

Чжоу Юй подкатил стул, на котором только что сидел Ло Минь, к Ли Юаню, затем подал чашку чаю и весело проговорил: «Дядя Юань, присядьте, поговорите. На, чайку».

«М-м», — Ли Юань в присутствии Чжоу Юя явно чувствовал себя раскованнее, и улыбка его выглядела искренней. Он присел, принял чашку и, улыбаясь, посмотрел на Лин Цзыхана. «А-Янь, чего это ты всё такой худой? А-Юй, А-Минь, похоже, вы за человеком ухаживать не умеете».

Ло Минь мягко похлопывал Лин Цзыхана по спине, словно утешая.

Чжоу Юй, стоя рядом, усмехнулся: «У А-Яня аппетит никудышный, ест, как птенец, чуть-чуть, да и то если упрашивать. Откуда ж мясу взяться?»

Ли Юань взглянул на Лин Цзыхана и вдруг изрёк: «А-Юй, А-Минь, выйдите-ка. Я поговорю с А-Янем наедине».

Услышав это, Лин Цзыхань пришёл в ещё больший ужас, вцепился в одежду Ло Миня, но промолчал.

Ло Минь, похоже, тоже не хотел уходить и лишь взглянул на Чжоу Юя.

Чжоу Юй с улыбкой подошёл, мягко разжал пальцы юноши, бережно взял его руки в свои и тихо проговорил: «А-Янь, ничего страшного. Дядя Юань — хороший человек, просто поговорит с тобой. Не бойся».

Лин Цзыхань, видимо, понял, что спорить бесполезно, и опустил голову, лишь нервно теребя руки, — страх его был очевиден.

Когда Чжоу Юй увёл Ло Миня, Ли Юань поднялся, с улыбкой подошёл к кровати, присел и поднял руку, нежно коснувшись его бескровных тонких губ.

Губы юноши были мягкими и тёплыми, под прикосновением они дрогнули, что смотрелось весьма соблазнительно.

Ли Юань усмехнулся, поставил чашку на прикроватную тумбочку, взял руки юноши и принялся внимательно их разглядывать.

Согласно установленному порядку, перед каждым выходом Лин Цзыхань проходил полную обработку в Специальном медицинском отделении, так что руки у него сейчас были гладкими и нежными, без единой мозоли — совсем не руки человека, державшего оружие.

Ли Юань остался доволен, не отпускал его руки и с улыбкой спросил: «Сколько тебе скоро стукнет?»

<http://bllate.org/book/16287/1467756>